

Амгаланова М. В.
M. V. Amgalanova

АКТУАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ИДЕЙ И ТВОРЧЕСТВА БУРЯТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

UPDATE OF AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF BURYAT INTELLIGENTSIA IDEAS AND CREATIVITY OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY IN MODERN REALITIES

Амгаланова Мария Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (Россия, Улан-Удэ); тел. 8(924)775-77- E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Maria V. Amgalanova – PhD in Culture Studies, Associate Professor, Culture and Art Studies Department, East-Siberian State Institute of Culture (Russia, Ulan-Ude); tel. 8(924)775-77-88. E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Аннотация. На рубеже XIX-XX веков социально-политические процессы в Российской империи обусловили национальные движения практически во всех регионах страны, в том числе и в Бурятии. Несмотря на то что пути монгольских народов разошлись в XVII-XVIII веках в силу различных политических условий, буряты считали себя частью общемонгольского мира. Территориальная близость к Монголии, общность исторического и культурного пути привели к формированию в среде зарождавшейся бурятской национальной интеллигенции концепции панмонголизма, получившей негативную общественно-политическую оценку и в имперской России, и в советский период. Представители панмонголизма были репрессированы, в течение долгого времени научное и творческое наследие А. Доржиева, Б. Барадина, П. Дамбинова, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова и других не было известно широкой аудитории. Объектом исследования являются концептуальные положения доктрины панмонголизма, предметом – процессы модернизации практически патриархального бурятского общества в контексте реализации положений доктрины и их актуализация в современных условиях. Основными методами стали аксиологический и историко-культурный, позволившие показать, что ценностные основания национальной бурятской культуры, которые легли в основу процессов модернизации, обеспечили сохранение социокультурной целостности и путей развития этноса в XX и начале XXI веков. В результате приходим к выводу, что определённые идеи и творчество бурятских реформаторов являются культурным наследием бурятского народа, имеющим научную и художественную значимость, изучение которого необходимо для обогащения современной культурной жизни региона.

Summary. Socio-political processes in the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries caused national movements in almost all regions of the country, including Buryatia. The ways of the Mongolian peoples diverged in the XVII-XVIII centuries due to different political conditions. Despite this, the Buryats considered themselves as part of the common Mongolian world. The territorial proximity to Mongolia, the common historical and cultural path led to the formation of the concept of pan-mongolism among the emerging Buryat national intelligentsia, which received a negative socio-political assessment both in imperial Russia and in the Soviet period. Representatives of Pan-Mongolism were repressed, for a long time the scientific and creative heritage of A. Dorzhiev, B. Baradin, P. Dambinov, Ts. Zhamtsarano, G. Tsybikov and others was not known to a wide audience. The object of the research is the conceptual provisions of the doctrine of panmongolism. The subject of the research is the processes of modernization of the patriarchal Buryat society in the context of the implementation of the doctrine provisions and their actualization in modern conditions. The main methods were axiological and historical-cultural, which made it possible to show the following. The value foundations of the national Buryat culture formed the basis of modernization processes, ensured the preservation of the socio-cultural integrity and ways of development of the ethnos in the XX and early XXI centuries. As a result, the author comes to the conclusion that certain ideas and creativity of the Buryat reformers are the cultural heritage of the Buryat people, which has scientific and artistic significance. Its study is necessary to enrich the modern cultural life of the region.

Ключевые слова: национальная бурятская культура, ценность, национальная интеллигенция, идеология панмонголизма, культурное наследие.

Key words: national Buryat culture, value, national intelligentsia, ideology of Pan-Mongolism, cultural heritage.

В начале XX века традиционное бурятское общество характеризовалось патриархальностью жизни, наличием сословной, религиозной, гендерной дискриминации, отсутствием квалифицированной медицинской помощи и образовательных учреждений: «Невежество, ... беспомощность в степи поддерживаются неблагоприятными условиями. До сих пор у бурят нет ни одной общеобразовательной школы, доступной массе, школы, где бы знания передавались на родном языке... И быть может ещё долго буряты будут лечить своих больных посредством кровавых жертвоприношений, культа онгонов, шаманских камланий, ламских дорогостоящих гурумов» [8, 176]. Национальная интеллигенция понимала, что коренное население не может более существовать в рамках традиционного кочевого общества. Свою главную задачу они видели в освобождении бурят от религиозного фанатизма и приобщении их к достижениям мировой цивилизации.

Отметим, что в тех социокультурных условиях само появление национальной интеллигенции можно считать уникальным фактом, представителями которой стали образованные буряты, не принадлежавшие родовой аристократии. Основными сферами, которые, по их мнению, подлежали модернизации, стали религия, образование, подготовка национальных кадров. Концептуальная сущность назревших реформ виделась ими в сохранении ценностных основ национальной бурятской культуры. Важное место в этом культурно-историческом процессе уделялось изменению жизни простого арата.

Одной из особенностей бурятской культуры были исторически сложившиеся этнокультурные различия западных и восточных бурят: языковые, религиозные, бытовые, которые со временем усилились в связи с проживанием западных бурят в Иркутской губернии, а восточных – в Забайкальской области. Социально-экономические различия жизни регионов обусловили формирование «западного» и «восточного» течений по вопросам культурного развития бурятского народа. Так, «западники» стояли на позиции необходимости культурной ориентации бурят на европейскую культуру, а «восточники» – на общемонгольскую. Острую полемику по этим вопросам можно проследить на страницах популярного в то время сборника «Сибирские вопросы», издаваемого в Томске.

Видения и конкретные предложения относительно будущего бурятского народа, опубликованные в журнале в первом десятилетии XX века, свидетельствуют о намерениях модернизации именно культурной жизни. Одним из ярких представителей национальной интеллигенции и панмонголизма был Ц. Жамцарано, он ввёл в научный оборот и общественно-политический дискурс понятие «культурный панмонголизм», обозначающий сближение монгольских народов на основе единой культуры и дальнейшее развитие этой единой культуры. Концепция западников отражалась в положении, высказанном М. Богдановым: «Спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманными нами национальными особенностями» [2, 47].

Основную и первостепенную задачу представители обоих течений видели в подготовке квалифицированных национальных кадров в области здравоохранения, образования, профессионального искусства. Данные переписи 1911 года свидетельствуют, что не более 8-10 % бурятских детей имели возможность получить начальное образование [3, 44], не говоря уже о профессиональном. Следовательно, необходима была кардинальная реформа образования. Программным положением стало требование о всеобщем обязательном обучении. Система начального школьного образования со второй половины XIX века была представлена различными типами школ: государственными, частными, дацанскими, церковноприходскими и др. В целом в Иркутской губернии школьное образование, в том числе и в количественном отношении как школ, так и учащихся, было представлено гораздо лучше, чем в Забайкальской области, что было связано с её более интенсивным социально-экономическим развитием. Однако в обоих регионах нормативно-правовая база, ведомственная подчинённость, сложность внутренней структуры образовательных учреждений характеризовались непоследовательностью и противоречивостью организации, что усложняло доступ к получению образования.

Сложность организации системы образования в этнической Бурятии определялась следующими проблемами. Во-первых, экономической проблемой. Многие семьи не могли терять рабочие руки, поэтому наличие стипендии решило бы вопрос увеличения количества обучающихся. В Забайкалье вопрос частично решался местными силами бурятского населения: «На их средства главным образом выстроена гимназия в Чите, они дают стипендии в средние и высшие школы, они безрезультатно долгие годы хлопочут об устройстве сельско-хозяйственного училища и желают... обязательного всеобщего обучения своих детей родной и русской грамоте» [5, 168]. Практически единственным центром просвещения, а не только местом отправления религиозного культа в Забайкалье был дацан, включающий в свою структуру разноуровневые школы. В каждом из крупных дацанов, таких как Анинский, Онинский, Цугольский проходили обучение 800-900 учеников [5, 173]. Содержание школ, монастырских библиотек, мастерских требовало больших экономических затрат, которых у дацанов не было.

Во-вторых, наиболее остро стоял вопрос национализации образования, касающийся не столько доступности образования для инородцев, сколько содержания образования. Известный этнограф и историк А. П. Щапов в середине XIX века относительно сибирских школ отмечал следующее: «Школы... большей частью, подрывали коренные, естественные основы племенных особенностей. Поэтому многие сибирские инородцы смотрели на учреждаемые для их детей русские школы как на прямое орудие совершенного искоренения народности, притом в самых зародышах или семенах её – молодых поколениях» [10, 462]. Бурятские дети, которые в целом отличались любознательностью и целеустремленностью в получении образования, большей частью не могли освоить программу обучения и, как следствие, исключались из школы или оставались на второй год. Причина была проста: дети не владели русским языком, а педагоги – бурятским. Совсем по-другому ситуация складывалась в тех школах, где преподавали учителя-буряты или русские учителя, владеющие бурятским языком. Поэтому на всех съездах бурят, начиная с 1904 года, программным положением стало открытие бурятской учительской семинарии. Понимали реформаторы и необходимость обучения русской грамоте, но основной упор в содержании образования делали на сохранение региональных основ: родного языка, родной истории, литературы. Кроме того, они добивались всеобщего обязательного образования детей обоего пола, без ограничений для инородцев и иноверцев [5, 172]. Отметим, что не только представители общественности, администрации, но и религиозные деятели выступали за равноправие женщин. Что касается религиозной дискриминации, то здесь вопрос стоял гораздо острее. Так, например, Б. Барадин, Ц. Жамцарано были вынуждены уйти из гимназии П. А. Бадмаева (Санкт-Петербург) из-за отказа перейти в православие. Это были далеко не единичные случаи.

В-третьих, отсутствовала учебно-методическая база, сложность создания которой заключалась не только в отсутствии типографий, но и определялась проблемой графической письменности. В течение многих столетий буряты пользовались так называемой старомонгольской письменностью, но к концу XIX века она перестала удовлетворять фонетические требования бурятского языка, уже была не в состоянии отразить языковые изменения в новых условиях социокультурного развития. У реформаторов имелись три принципиально разные позиции: сохранение старомонгольской письменности, ассимиляция, латинизация. Известными бурятскими общественными (Н. Амагаев, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино), буддийскими (А. Доржиев) деятелями, учёными (Г. Цыбиков) на реформированной в разных вариациях старомонгольской письменности были созданы пособия, грамматики, букварь для детей, «Новый монголо-бурятский алфавит», которые использовали в учебном процессе вплоть до 1930-х годов. Резкой критике сохранение старомонгольской письменности подверг М. Богданов – представитель прибайкальских бурят. Его позиция ассимиляции была обусловлена тем, что в школах Иркутской губернии уже со второй половины XIX века не преподавался монгольский язык и письменность, а учебная литература издавалась на бурятском языке русской графикой. Кроме того, делопроизводство велось на русском языке. Латинизацию предложил учёный-востоковед Б. Барадин, полагавший, что наиболее ценным, оригинальным и национальным является язык, а алфавит – лишь внешним и условным изображением языка. Латинизация письменности была поддержана советским руководством, но в целом вопрос

реформирования письменности оставался открытым вплоть до конца 1930-х годов – до окончательного перехода на кириллицу. Русская графическая система сегодня используется и в Монголии. Известный учёный Д. А. Клеменц ещё в начале XX века говорил о «крайней бедности латинского алфавита для передачи звуков новых языков... можно было бы взяться за приспособление европейского алфавита, но, конечно уже, скорее русского, потому что он гораздо богаче звуками» [7, 13].

В-четвёртых, насущной необходимостью стала подготовка собственных кадров, для чего были необходимы многоуровневая система образования, расширение сети средних, высших и специальных учреждений. Выше нами отмечалось, что буддийский монастырь – дацан – был центром духовной и художественной культуры, а также центром просвещения. На начало 1920-х годов в Забайкалье осуществляли образовательную деятельность более семидесяти дацанских школ, что было значительно больше, чем в любой другой национальной республике [4, 20]. По мнению реформаторов, следовало использовать потенциал дацанских школ с некоторой модернизацией. В частности, предлагалось придать им характер академий с 13-летним курсом обучения и организацией медицинского (тибетская и европейская медицина), естественно-философского (опытные науки, индо-буддийская и европейская философия), филологического (тибетский, санскритский, монгольский и русский языки) и математико-тантрического (символика) факультетов. Также реформаторы понимали необходимость обучения грамоте и взрослого населения, для которого предлагали открыть специальные курсы, проводить беседы, организовывать массовое чтение. Процессу всеобщего образования и приобщения к мировым событиям могло способствовать, в частности, издание газет и журналов. Однако издательство «Наран» выпустило всего несколько сборников бурятских сказок, пословиц, стихов, а газета «Жизнь на восточной окраине», издаваемая на средства известного врача-тибетолога П. А. Бадмаева, просуществовала не более года [6, 42].

На практике не удалось не только подготовить квалифицированные национальные кадры для социокультурной сферы, но и решить проблему всеобщего начального образования. Это было связано с объективными условиями традиционности бурятского общества, но главное, масштабом охвата и отсутствием исторического времени для их реализации. Тем не менее ими были заложены основные направления социокультурного развития, не утратившие актуальности и сегодня.

Дискуссии относительно языка и письменности не только получили научное обоснование и практическое воплощение, но и заложили прочный фундамент для дальнейшего развития бурятского языкознания. Язык народа – важнейший компонент национальной культуры, отражающий особенности сознания, является предпосылкой и условием существования народа. Национальная интеллигенция исходила из того, что потеря родного языка в целом угрожает самому существованию бурят как самостоятельного этноса. Объективные условия жизнедеятельности народов в новом советском государстве, обусловленные масштабными политическими и социально-экономическими изменениями, сделали русский язык официальным государственным языком. Современная ситуация показывает, что происходит потеря родного языка. Если в середине XX века имелось поколение, достаточно прочно и глубоко владевшее родным языком, то к концу XX века владеющих бурятским языком как родным стало значительно меньше, что обуславливает и потерю традиционных культурных связей с предшествующим поколением. Сегодня этот процесс продолжает углубляться и расширяться, поэтому идеи внедрения регионального компонента, в частности бурятского языка, родной истории, литературы в образовательный процесс, актуализированы.

Для национальной интеллигенции вопрос развития бурятского языка коррелировался с его литературной формой, являющейся сокровищницей речевой культуры и выдающихся достижений мастеров слова. Реформа литературного языка была вызвана необходимостью сделать его понятным и доступным для широких масс, а не только для привилегированного слоя, как это было ранее. Этому могло способствовать создание литературы, которая отражала актуальные социальные процессы. Бурятская литературная традиция была представлена философскими, правовыми, религиозными буддийскими текстами, но она не имела традиций светской прозы и драматургии. В целом бурятская литература находилась на стадии средневековой синкретичности. С именами Ч. Базарона, Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, П. Дамбинова, Ц. Жамцарано, Н. И. Занданова, Д.-Р. Нам-

жилона и другими связано зарождение новой литературы – социально-просветительской, обличавшей общественные пороки (пьянство, картёжничество, религиозный фанатизм и т.п.). Её отличительной чертой от предыдущей литературной традиции стало то, что она создавалась усилиями индивидуальных авторов, которыми был заложен фундамент дальнейшего развития национальной литературы в целом. Появились новые жанры и формы, в том числе и литература для детей.

Трудности, возникшие на ранних этапах развития, были обусловлены тем обстоятельством, что бурятская литература возникла почти исключительно на почве фольклора, минуя целые исторические стадии мирового художественного развития. Кроме того, начинающие писатели не имели ни образования, ни специальных практических навыков. Не имея письменных традиций прозы и драматургии, национальная бурятская литература прошла ускоренный путь развития от одноактных пьес и небольших рассказов до крупных жанров повести и даже романа уже к началу 1940-х годов.

И сегодня эти произведения не утратили своей исторической ценности, служа источником информации о сложной, неоднозначной, насыщенной культурными и политическими событиями жизни бурятского народа в начале XX века. О социокультурной значимости первых поэтических, прозаических и драматургических опытов Б. Барадина, Р. Галанова, Д. Дашинимаева, Ц. Дона, Солбонэ Туя и других говорит включение их произведений в сборники «Писатели Аги. XX век» в 5 томах, «Антология литературы Бурятии XX-XXI веках» в 3 томах.

Особенно стоит отметить научную деятельность реформаторов. В частности, сбор и публикация экспедиционных материалов, путевых заметок о повседневной жизни, истории и традиционной культуре народов Центральной Азии не потеряли своей актуальности и научной значимости сегодня. Так, результатом экспедиции Б. Барадина в Тибет по заданию Русского комитета при Академии наук по изучению Средней и Восточной Азии стала публикация серии работ, которые принесли автору мировое признание. С этого момента Б. Барадин занял почётное место среди ведущих учёных-востоковедов Российской империи, ему была присуждена премия им. Пржевальского, он был принят в члены Российского географического общества. Вплоть до 1929 года он был Председателем Бурятского учёного комитета (сегодня Бурятский научный центр СО РАН). В память о заслугах в 2012 году у Центра восточных рукописей БНЦ СО РАН был открыт памятник Базару Барадину. Ц. Жамцарано участвовал в нескольких экспедициях в Забайкалье, во Внутреннюю Монголию, Орхон по сбору фольклорного и этнографического материала. Был награждён серебряной медалью Русского географического общества и премией им. Пржевальского. Сегодня лишь часть собранных им уникальных материалов была опубликована. Ч.-Л. Базарон входил в состав экспедиции Г. Н. Потанина в Монголию и Китай по сбору фольклорного материала. Уже в советский период П. Дамбинов, будучи руководителем Художественной секции Бурятского учёного комитета, отправлял полевые экспедиции за уникальным фольклорным и этнографическим материалом, осуществлял его систематизацию, записывал первые рукописные пьесы. Огромной его заслугой является рукопись «Об искусстве бурятских дацанов», хранящаяся в Архиве редких рукописей и ксилографов Бурятского научного центра СО РАН, которая представляет собой несомненную культурно-историческую ценность, поскольку многое из того, о чём записано в рукописи, было утрачено в ходе антирелигиозной кампании.

За короткий срок небольшим количеством представителей национальной интеллигенции была проделана огромная работа, в образовательной, научной и творческой областях были достигнуты высокие результаты. Поэтому сегодня мы можем говорить о том, что реализация панмонгольских идей бурятской интеллигенцией стала «катализатором развития гуманитарных знаний» [7, 24].

Важным аспектом в сохранении национальной культуры, национальной идентичности Б. Барадин, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Ч. Иролтуев, Б.-Д. Очиров, Г. Цыбиков и другие видели буддизм. Они считали, что необходимо реформировать буддийскую церковь, а буддийскую этику сделать понятной и доступной простому народу, поскольку религия, по их мнению, была «единственной формой идеологии, язык которой был понятен и доступен народу» [9, 44]. В условиях имперской политики по насильственной христианизации, на их взгляд, именно буддизм был при-

зван выполнить объединительную миссию всего бурятского народа. Ц. Жамцарано отмечал: «Буддизм исповедуется большинством соплеменников и сородичей... Чем правительство и миссионеры усерднее проводили свою обрусительно-крестительную политику, чем гонения и насилие шире применялись к бурятам, тем сильнее и дружнее шло движение в сторону буддизма и в сторону тех своих сородичей, которые благодаря буддизму сохранили свою письменность, национальную целостность и солидарность. Буддизм в глазах народа стал убежищем для национального духа, а православие – символом обрусения и насилия» [4, 20-21].

Однако это было не совсем так. Данное высказывание Ц. Жамцарано отражало общую тенденцию соперничества буддизма и православия, особенно остро проявившегося как раз на рубеже столетий. Конечно, это соперничество изначально не было равным. Несмотря на то что буддизм был официально разрешённой религией, православие имело более высокий статус – государственной религии. Когда в конце XIX века буддизм начал проникать в западную Бурятию, это встретило активное сопротивление со стороны православных священников, получавших поддержку царской администрации. Усиление роли православия в контексте имперской политики отражало желание сделать окраины империи «русскими». Но при этом православие способствовало укреплению экономических и культурных связей Сибири с Россией, сближению коренного населения с русскими переселенцами. Хозяйственные контакты с русскими позволяли перенимать новые виды и способы материальной культуры, в миссионерских школах буряты приобщались к русской письменной культуре, в церковных хорах некоторые песнопения были переведены на бурятский язык.

Идея об определении буддизма в качестве общенационального консолидирующего фактора была рассчитана на долгосрочную перспективу, хотя единого мнения по этому вопросу среди бурятской интеллигенции также не было. Возрождение духовной культуры бурятского народа представителями бурятской интеллигенции виделось в первую очередь в возможности сохранения буддийской религии. Но, поскольку они были просвещёнными высокообразованными людьми, то их деятельность отличалась критическим подходом к религиозным положениям и традициям. Они понимали необходимость модернизации буддизма и обновления традиционной религиозности с целью приспособления буддизма к новым условиям, поиска точек соприкосновения буддизма и достижений современной европейской и российской науки, в полной мере учитывая, что «буддизм прочно вошёл во все области жизни большинства народа, и осознавали громадную роль буддизма в политической и духовной консолидации бурятского народа» [1, 95]. Тем самым они пытались сделать «обновлённый» буддизм идеологией бурятского народа, явлением не только национальной, но и мировой культуры.

Предполагалось реформировать содержание учения, культов и сангху (монашескую общину). Не вдаваясь в очень сложные проблемы модернизации буддизма, отметим, что предполагалось возвратиться к основам классического буддизма, освободить его от суеверий, магии, языческих элементов шаманизма, упразднить сложные и непонятные рядовым верующим обряды, повысить авторитет духовенства, в том числе за счёт приобщения лам к европейской науке и культуре.

Но при этом имели место достаточно противоречивые взгляды «обновленцев» на модернизацию буддийской церкви. Так, Ц. Жамцарано была предпринята попытка представить буддизм в качестве атеистической и альтруистической религии. Даже через десять лет после революции, в условиях разворачивающейся антирелигиозной кампании, Ц. Жамцарано не оставлял попыток реформирования буддизма, не только сравнивая буддийское учение с новым мировоззрением, основанным на научной теории коммунизма. В работе «Основы буддизма», изданной в 1927 году в Улан-Баторе, он предлагал основать социализм на принципах буддизма, отмечая, что В. И. Ленин высоко ценил буддизм. Данная идея Ц. Жамцарано не нашла поддержки и в среде бурятской интеллигенции, в частности у А. Доржиева, М. Богданова и известного учёного Д. А. Клеменца.

С конца XIX века буддизм стал набирать силу, получив распространение и в немонгольских кругах русской интеллигенции. Ключевой фигурой в истории буддизма в России был Агван Доржиев, основавший дацаны и буддийские школы в Калмыкии и Бурятии, издательство буддийской литературы в Санкт-Петербурге и типографию в Ацагатском дацане в Бурятии. По его инициативе

началось строительство первого буддийского храма на европейской территории Российской империи – в Санкт-Петербурге. Именно он «убедил Далай ламу XIII искать в лице России защитницу монголов и тибетцев от угнетения со стороны Китая, Японии и Англии» [7, 17]. В 1920-е годы Агван Доржиев посвятил себя общественно-политической деятельности по реформированию и сохранению буддизма в новых условиях, налаживая дипломатические связи с В. И. Лениным и А. В. Луначарским.

В целом, мы можем констатировать, что представители национальной бурятской интеллигенции заняли достойное место в истории бурятской культуры. Анализ их деятельности показывает, что процесс культурного развития отбирает, сохраняет и транслирует то, что соответствует общемировым тенденциям, ценностям и нормам всего человечества. История бурятского народа и его культуры, следование общечеловеческим и национальным традициям и ценностям придаёт деятельности Ч.-Л. Базарона, Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, М. Богданова, П. Дамбинова, А. Доржиева, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова и многих других значение содержательной основы национальной культуры. При этом в общественно-политическом и научно-исследовательском дискурсе современной Бурятии можно наблюдать своего рода формирование нового культа личностей бурятских национал-демократов. Однако, на наш взгляд, сегодня вряд ли стоит идеализировать их образ, поскольку они представляли собой продукт своего противоречивого времени и выражали идейную позицию, являющуюся неоднозначной, вызывающую полемику и в настоящее время. Региональные исследования, в том числе и деятельности интеллигенции, имеют особое значение в формировании целостной картины историко-культурного развития российского государства. Изучение этой деятельности с помощью новых методологических подходов, которые учитывают совокупность культурно-исторических условий, идейно-политических и мировоззренческих позиций, показывает, что бурятская национальная культура первой трети XX века имела чёткие ориентиры, которые были направлены на сохранение национальных и общечеловеческих ценностей, а также передачу их следующим поколениям.

Глобальные процессы развития мировой цивилизации сказались на всех сторонах жизни больших и малых народов: религии, образовании, художественной культуре. В частности, это проявляется в возрастании роли культурного наследия, а проблемы его сохранения и трансляции становятся приоритетным направлением государственной культурной политики. Сегодня актуализация наследия реформаторов реализуется в различных направлениях (научно-исследовательском, образовательном, художественно-творческом), вовлекая широкий круг общественности. Идеи и деятельность национальной интеллигенции начала XX века являются неотъемлемой социокультурной частью исторического опыта бурятского народа и осознаются как источник всесторонней информации об этносе, регионе и государстве. Это обусловлено в первую очередь антропоцентричностью современной науки, пониманием роли личности, аксиологическим анализом её деятельности. При этом ценностный аспект культурного наследия личности напрямую связан с этнокультурной средой, социокультурными условиями и факторами исторической эпохи. Современный научный контекст предоставляет огромные возможности для сохранения и трансляции идей и творчества национальной интеллигенции. Несмотря на проделанную работу в этой области бурятскими исследователями, остаются неизвестными широкому кругу общественности их имена и деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров, Б. В. Бурятские национальные демократы и общественная мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с.
2. Богданов, М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов; под ред. Н. Н. Козьмина. – Верхнеудинск: Бурят-монгол. изд-во, 1926. – 234 с.
3. Дуринов, А. А. Очерки истории школ и педагогического образования в Бурят-Монголии / А. А. Дуринов. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1948. – 123 с.
4. Жамцарано, Ц. Бурятское народническое движение и его критики [Электронный ресурс] / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы. – 1907. – № 24. – С. 15-20. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/444676> (дата обращения: 17.02.2016).

5. Жамцарано, Ц. О правосознании бурят [Электронный ресурс] / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы. – Санкт-Петербург: В. П. Сукачев, 1905-1913. – № 2. – С. 167-184. – Режим доступа: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-1894> (дата обращения: 17.02.2016).
6. Краеведение – моя судьба: к 80-летию Раисы Борисовны Ажеевой / сост. Т. В. Бурлакова, Е. Ю. Ажеева. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2019. – 190 с.
7. Курас, Л. В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / Л. В. Курас. – Иркутск: Отгиск, 2017. – 188 с.
8. Цибилов, Б. Д. Бурятские учёные национал-демократы / Б. Д. Цибилов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 249 с.
9. Шагдаров, Л. Д. Развитие бурятского литературного языка в Советскую эпоху / Л. Д. Шагдаров // Развитие литературных языков народов Сибири в Советскую эпоху. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. – С. 36-52.
10. Щапов, А. П. Сочинения [Электронный ресурс] / А. П. Щапов. – Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1906. – Т. II. – 623 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=69007> (дата обращения: 06.02.2021).